

Фатима Риза-Заде (Сайях), исследовательница Достоевского

З. Садеги Сахлабад

Университет Аль-Захра
(г. Тегеран, Исламская Республика Иран)
e-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir

О. А. Кравченко

Университет Аль-Захра
(г. Тегеран, Исламская Республика Иран)
e-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir

А. А. Шульдишова

Российский университет дружбы народов
(г. Москва, Российская Федерация)
e-mail: shuld_a@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению биографии и достоевсковедческих работ Ф. Риза-Заде, известной также под именем Ф. Сайях. В научный оборот введен ряд архивных материалов, отражающих профессиональные и дружеские связи Ф. Риза-Заде 1929–1930-х гг., дан проблемный обзор статей «Достоевский и современная французская литература (о влиянии Достоевского)» и «Достоевский в западной критике», а также вышедшей в Тегеране статьи-предисловия к персидскому переводу романа Достоевского «Белые ночи». Отмечено, что работы исследовательницы заложили основы иранской компаративистики: творчество Достоевского было осмыслено в широком контексте французской литературы, немецкой философско-эстетической традиции, иранских культурных символов добра и зла. В своих методологических установках Ф. Риза-Заде ориентировалась на социологическую критику школы Переверзева, культурно-эстетический подход к анализу жанровой проблематики, самодостаточность литературоведческого исследования и отказ от философских спекуляций. Труды Ф. Риза-Заде сохранили свое значение в изучении и популяризации творчества Достоевского и развитии российско-иранских культурных связей.

Ключевые слова: Ф. Риза-Заде (Сайях), достоевсковедение, история литературоведения, психологический роман, философско-эстетическая критика, Иран, диалог культур

Для цитирования: Садеги Сахлабад З., Кравченко О. А., Шульдишова А. А. Фатима Риза-Заде (Сайях), исследовательница Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 4. С. 130–146. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5721

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5721

Fatima Riza-Zade (Sayyah), a Dostoevsky Scholar

Zeinab Sadeghi Sahlabad

*Alzahra University
(Tehran, Islamic Republic of Iran)
e-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir*

Oksana A. Kravchenko

*Alzahra University
(Tehran, Islamic Republic of Iran)
e-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir*

Alina A. Shuldishova

*The Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: shuld_a@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the biography of the Soviet-Iranian researcher F. Riza-Zade, also known as F. Sayyah, and her studies of Dostoevsky's literary heritage. A number of archival materials that reflect the professional and friendly relations of F. Riza-Zade in 1929–1930s have been introduced into scientific circulation. A review of the articles “Dostoevsky and Modern French Literature (On the Influence of Dostoevsky)” and “Dostoevsky in Western Criticism,” as well as the preface to the Persian translation of Dostoevsky's novel *White Nights*, published in Tehran, has been carried out. It is noted that the researcher's works have laid the foundations of Soviet and Iranian comparative studies: Dostoevsky's work was interpreted in the broad context of French literature, German philosophical and aesthetic tradition and Iranian cultural symbols of good and evil. The key methodological principles of F. Riza-Zade are analyzed: the focus on sociological criticism of the Pereverzev school, a cultural and aesthetic approach to the analysis of genre problems, tendency towards self-sufficiency in literary research and rejection of philosophical speculation. The conclusion is made about the importance of the works of F. Riza-Zade in the study and popularization of Dostoevsky's work and in the fostering of Russian-Iranian cultural ties.

Keywords: F. Riza-Zade (Sayyah), Dostoevsky researcher, history of literary criticism, psychological novel, philosophical and aesthetic criticism, Iran, cultural dialogue

For citation: Sadeghi Sahlabad Z., Kravchenko O. A., Shuldishova A. A. Fatima Riza-Zade (Sayyah), a Dostoevsky Scholar. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 4, pp. 130–146. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5721 (In Russ.)

Тезис о мировом значении творчества Ф. М. Достоевского обретает особую актуальность в год 200-летнего юбилея писателя. Достоевский «объединяет людей разных политических убеждений, культур, цивилизаций, конфессий» [Захаров: 7]. Это объединяющее движение мы намерены проследить в контексте российско-иранских культурных и научных связей, уделив основное внимание полузабытой советско-иранской исследовательнице, чьими усилиями были проложены пути русского писателя на Восток. Важно отметить, что Достоевский — один из самых активно читаемых и переводимых на фарси русских авторов. По мнению иранской исследовательницы М. Яхьяпур, «произведения Ф. М. Достоевского не только расширили представления иранцев о русской литературе, но и обогатили саму духовную жизнь иранского общества» [Яхьяпур: 71]. Первый шаг на пути знакомства иранцев с Достоевским был осуществлен в 1945 году: в переводе Захры Ханлари вышел роман «Белые ночи». Предисловие к этому изданию написала Фатима Сайях, известная в Советском Союзе как Фатима Риза-Заде. В судьбе этой исследовательницы удивительным образом преломлены размышления Достоевского о российской «миссии в Азии», о том, что «в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»¹.

В истории отечественного литературоведения имя и работы Фатимы Джафаровны Риза-Заде занимают особое место. Накануне 120-летнего юбилея исследовательницы, объединившей собственными трудами и духовным усилием к диалогу культуры Ирана и России, мы хотим осмыслить ее вклад в развитие советской и иранской науки о Достоевском², а также прояснить ключевые моменты ее биографии.

Фатима Риза-Заде (Сайях)

Fatima Riza-Zade (Sayyah)

Ф. Риза-Заде родилась в 1902 г. в Москве в семье востоковеда Мирзы Джафар-Хана Резазаде Махаллати. Она окончила историко-филологический факультет Московского университета, защитила диссертацию по творчеству Анатоля Франса. До переезда в Иран в 1934 г. статьи Ф. Риза-Заде публиковались в Литературной энциклопедии [Риза-Задэ, 1930а], в журналах «Печать и революция» [Риза-Заде, 1927], «Литература и марксизм» [Риза-Заде, 1928а; 1929], «Вестник иностранной литературы» [Риза-Заде, 1928б; 1930].

Ф. Риза-Заде вышла замуж за своего двоюродного брата Хамида Сайяха. Фамилия Сайях (что по-персидски означает «путешественник») первоначально была псевдонимом дяди Фатимы и впоследствии ее свекра. Под этим именем он писал книги о собственных путешествиях (см.: [Sayyah Hadj]).

Жизнь исследовательницы может быть описана как смысловое разрывание ее фамилии. «Путешествием» — духовным движением из России на Запад, в художественно-интеллектуальное пространство Франции и Германии, а затем возвращением на Восток, — была predeterminedена ее собственная культурная миссия.

В истории отечественного литературоведения образ российско-иранской исследовательницы оказался стерт временем, несмотря на ее активное участие в научной жизни второй половины 1920 — начала 1930-х гг. Архивные материалы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) позволяют лишь отчасти установить подробности биографии исследовательницы.

В составе личного дела Фатимы Джафаровны Риза-Заде находятся лишь два документа: о приеме на работу в Государственную академию искусствознания в сентябре 1931 г. и о последующем отчислении из числа сотрудников академии в январе 1932 г.³

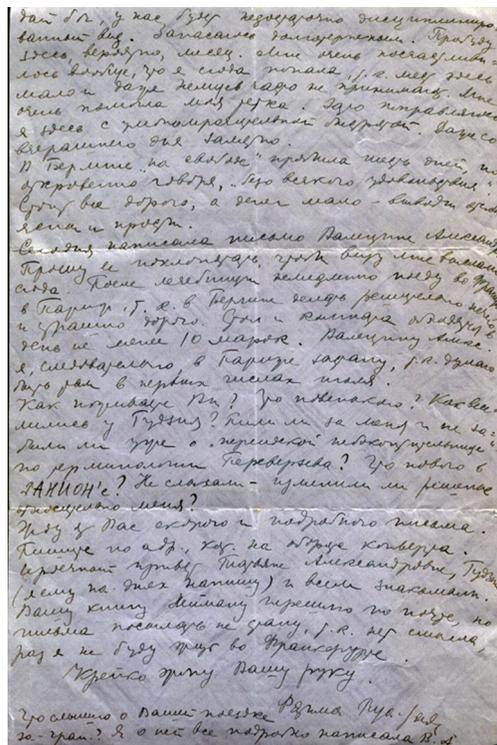
Отдельные подробности биографии, черты характера и широкие дружеские связи раскрываются в пяти письмах Ф. Риза-Заде. Три письма адресованы Ю. М. Соколову⁴: два — из берлинской клиники Westend Krankenhaus, где Фатима проходила курс лечения от диабета (даты: 01.06.1929 г. и 25.06.1929 г.), третье письмо написано из Москвы (дата: 20.08.1929 г.). Также сохранились два письма, адресованных Г. А. Шенгели⁵: насыщенное образами Востока письмо из Тегерана (дата: 03.09.1930 г.) и послание из Вены, рассказывающее о новом курсе лечения (дата: 14.11.1930 г.). Письма воссоздают облик молодой, исполненной творческих планов исследовательницы, вынужденной бороться с тяжелой болезнью. Г. А. Шенгели она с сожалением писала о своих неосуществленных намерениях «провести зиму в Париже и писать там диссертацию о Марселе Прусте, даже на французском языке»⁶. В письмах вырисовывается коллективный портрет друзей и коллег адресанта: Н. К. Гудзия⁷, В. Ф. Переверзева⁸, В. А. Дынник-Соколовой⁹.

Несмотря на тяжелое физическое и душевное состояние Фатимы, общий тон ее писем оптимистичен, исполнен юмора и самоиронии. В письме Соколову она пишет: «Как поживаете Вы? Что новенького? Как веселились

у Гудзия? Пили ли за меня и не забыли ли уже о “персидской небокопительнице” — по терминологии Переверзева?»¹⁰. Очевидно, «терминология Переверзева» упомянута в связи с его статьей «Гоголь», вышедшей в 1929 г. во втором томе Литературой энциклопедии. Гоголевское выражение «копители неба», актуализированное и обретшее статус термина в работах В. Ф. Переверзева, Ф. Риза-Заде в шутку обращает на саму себя.

Фраза о «персидской небокопительнице» предстает как ироничная самохарактеристика, в которой прочитывается не только требовательность к себе, но и обостренное осознание собственной национальности. В тегеранском письме к Г. А. Шенгели Ф. Риза-Заде выражает заинтересованность культурой аутентичного Ирана, причастность к которому была для нее столь значима: «Возможно, что в конце сентября съездим на несколько дней в Исфаган полюбоваться настоящим, не европеизированным Востоком»¹¹.

Дошедшие до нас письма Ф. Риза-Заде 1929–1930 гг. дают возможность услышать живые интонации, уловить стиль ее общения, прикоснуться к ее непростой жизненной истории.

Фрагмент письма Ф. Риза-Заде Ю. М. Соколову (РГАЛИ, Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 1721)

Fragment of a letter from F. Riza-Zade to Yu. M. Sokolov (Russian State Archive of Literature and Art, fund 483)

С 1934 г. начинается новая страница в биографии исследовательницы. Она окончательно переезжает в Иран, работает и публикуется под именем Фатима Сайях. По приезде в Иран Ф. Сайях занималась преподаванием русского и французского языков, принимала участие в деятельности Общества Фирдоуси. В 1938 г. она стала доцентом, а 1943 г. — профессором Тегеранского университета. На факультете иностранных языков Ф. Сайях основала кафедру литературной критики и сравнительного литературоведения. Усилиями С. Нафиси¹², Ф. Сайях и их коллег в 1946 г. в Иране был создан Союз писателей, на I съезде которого исследовательница выступила с речью о Достоевском. Д. С. Комиссаров в своей характеристике подчеркивает высокий профессионализм Ф. Сайях, ее эрудицию и трудолюбие. Профессор Ф. Сайях создала методическую базу преподавания русской литературы в Иране, «ее перу принадлежат работы: “Антон Чехов”, “Достоевский”, “Восток в произведениях Пушкина”, “Михаил Шолохов” и др.» [Комиссаров: 201].

Названные труды, а также лекции и статьи Ф. Сайях были переведены на персидский язык и опубликованы в книге «Критика и путешествие», составленной М. Голбоном [Criticism and travel].

Статьи Ф. Риза-Заде, как и ее письма, отражают интеллектуальную атмосферу 1920-х гг., когда происходило становление ученого, выработка тех исследовательских принципов, которые заложили основы советской гуманитаристики. В статье «Современная французская методология истории литературы» Ф. Риза-Заде с воодушевлением описывает исследовательский климат России и Германии, «где в последние годы замечается такое огромное оживление в области литературоведения, где целые группы теоретиков создают новые и новые теории, стремясь, в большинстве случаев, к одной цели: к преобразению литературоведения из полу-науки, полу-искусства, каким оно пребывало до последнего времени, в настоящую и подлинную науку!» [Риза-Заде, 1928а: 138].

Ключевой темой исследований 1927–1930 гг. была западноевропейская рецепция творчества Достоевского. Итогом разработки этой проблематики стал раздел «Достоевский на Западе» в совместной с В. Ф. Переверзевым статье «Достоевский» в Литературной энциклопедии [Переверзев, Риза-Заде]. Начало же работы над этой темой отражено в статье «Достоевский и современная французская литература (о влиянии Достоевского)» [Риза-Заде, 1927].

Указанная публикация представляет собой развитие исследовательской линии, берущей начало от работы М. Зайдмана 1911 г. «Достоевский в западной литературе» [Зайдман]. В этой связи О. Булгакова отмечает: «Через шестнадцать лет Ф. Риза-Заде продолжила рассмотрение влияния русского писателя на развитие французской литературы, отмечая, что он привлек внимание французских писателей и мыслителей благодаря умению изобразить “кризисного” человека» [Булгакова: 6]. В подходе Ф. Риза-Заде ясно

ощутимы социологические установки школы Переверзева, ее интересуют «конкретные формы» влияния Достоевского, а также их предпосылки «как идеологического, так и социологического характера» [Риза-Заде, 1927: 34]. При этом на первый план в статье выдвигается не классово-социологическая, как можно было бы ожидать, а жанровая проблематика. Исследовательница анализирует разновидности психологического романа и феноменологию французского психологизма, отличного от опыта Достоевского. Ф. Риза-Заде интересуют пути преломления психологических матриц, приемов их оформления и способов влияния на композиционный строй романа. В интерпретации Ф. Риза-Заде французский роман реализуется поэтикой психологической статики, в то время как роман Достоевского задан энергией становления.

Исследовательница иллюстрирует разницу психологических установок на примере героев Бальзака и Достоевского. Если у Достоевского в «Преступлении и наказании» мы наблюдаем полное перерождение героя, то герои Бальзака воплощают принцип согласованности и последовательности своих действий. Растиньяк и Раскольников стремятся к бесконечному могуществу и власти над обществом. Однако целостность и последовательность душевной жизни Растиньяка сохранены автором до конца. В отличие от Раскольникова он не поддается на этическую провокацию: исследовательница указывает на эпизод с китайским мандарином, безнаказанное убийство которого может обеспечить человеку на другом конце мира богатство и процветание. От такого обогащения Растиньяк решительно отказывается. Раскольников же пытается «арифметически» доказать справедливость счастья ценой крови¹³. В морально-психологическом эксперименте выявляет себя французская эстетическая традиция: картезианская установка на поиск рациональных оснований человеческих поступков и поведения. Ф. Риза-Заде вскрывает корни этой традиции в творчестве О. Бальзака. Что же касается французских писателей 1920-х гг., в частности Андре Жида и Жоржа Дюамеля, то здесь наиболее ярко проявлен не собственно французский, а русский психологический опыт, выразителем которого предстает Достоевский. Его влияние исследовательница усматривает в заимствовании «психологии двойника» и его «наиболее остром воплощении — подпольном человеке» [Риза-Заде, 1927: 50, 51].

В целом статья представляет собой опыт компаративистского исследования психологического романа с опорой на переверзевскую методологию социального анализа.

Статья «*Достоевский в западной критике*» обозначает уже не французский, а немецкий вектор научных поисков Ф. Риза-Заде. Здесь анализируется немецкий опыт интеллектуальной рецепции Достоевского. При этом следует отметить, что все без исключения источники, реферируемые в статье Ф. Риза-Заде, интересны и сегодня как для истории литературоведения, так и для осмысления европейской философско-критической рецепции Достоевского 1920-х гг.

Одной из наиболее значимых работ, представляющих Достоевского как мыслителя, Ф. Риза-Заде называет книгу Г. Прагера «Мировоззрение Достоевского» (H. Prager. *Die Weltanschauung Dostojewski*. Hildesheim, 1925). В кругу работ философско-критического характера книгу Г. Прагера отличает «конкретный анализ литературного материала и последовательность методологического подхода» [Риза-Заде, 1929: 154]. Г. Прагер рассматривает творчество Достоевского целостно, видя в нем «грандиозную теодицею» [Риза-Заде, 1929: 152]. В книге Г. Прагера актуализирована оппозиция «Восток–Запад». По мнению немецкого ученого, в образе Раскольникова «переплетаются два течения: одно — идущее на Восток, другое — идущее на Запад. Сам Раскольников побеждает. Он преодолевает свой индивидуализм. Он идет с Разумихиным на Восток» [Риза-Заде, 1929: 151]. Ключевые для Запада идеи могущества и власти переходят от Раскольникова к Ставрогину и Петру Верховенскому. Восток же, как воплощение чистоты, веры и духовного возрождения, реализован в образах Кириллова и Шатова, князя Мышкина, Алеши Карамазова и старца Зосимы. Таким образом, путь богоскитательства Достоевского Г. Прагер осмысляет как движение с Запада на Восток, он «начинается с Раскольникова, носителя идеи власти земной Наполеона, и заканчивается старцем Зосимой. Это — путь от власти к любви» [Риза-Заде, 1929: 152].

Отметим, что методология Г. Прагера задает определенный вектор обзору Ф. Риза-Заде, прослеживающей реализацию ключевой оппозиции «Запад–Восток». Вопрос состоит в том, является ли Достоевский воплощением европейской культуры, «пророком всей современной жизни», или же он чужд Европе и значим только для России, будучи «воплощением варварского азиатского начала, с которым ничего общего не может быть у просвещенных европейцев» [Риза-Заде, 1929: 172].

Хотя Ф. Риза-Заде порицает философскую критику за ее доктринерство, острота и насущность проблематики «Запад–Восток» для самой исследовательницы видна уже в самом выборе формулировок, в которых выражается данное противопоставление. Так для Г. Гессе в книге «Взгляд на хаос» (H. Hesse. *Blick ins Chaos*. Bern, 1920) Достоевский предстает носителем хаоса, прохождение через который определяет ближайшее будущее европейской культуры: «...через это мы должны пройти, в этом судьба наша» [Риза-Заде, 1929: 144]. По мнению П. Фишера (P. Fischer. *Dostojewski. Sein Glauben, Hoffen, Lieben*. Stuttgart, 1925), творчество Достоевского «никогда не утратит огромного значения решительно во все времена у всех высококультурных народов» [Риза-Заде, 1929: 143]. П. Фишер солидаризируется с утверждением О. Шпенглера о том, что «христианству Д. принадлежит ближайшее тысячелетие» [Риза-Заде, 1929: 143]. В то же время такие исследователи, как Э. Лука (E. Lucka *Dostojewski*. Stuttgart und Berlin, 1924), ограничивают теодицею Достоевского рамками русской культуры и православия. По мнению этого автора, Европа, оказавшаяся в результате войны не только перед

развалинами собственных городов, но и перед обломками культуры, ищет лекарства, которым предстает генетически чуждый ей мир Достоевского: «Для них Д. вдруг стал идеалом с его русским мужиком, идеал которого — водка и иконы» [Риза-Заде, 1929: 155]. Подобные оценки советская исследовательница характеризует как «курьезно-мракобесные восклицания», при этом Ф. Риза-Заде всё же считает, что Э. Лука обоснованно связывает духовное влияние Достоевского с переживаемым европейской культурой послевоенным кризисом.

В «перетягивании» Достоевского из Европы в Азию исследовательница видит отход от художественного творчества ради произвольно извлеченного из него комплекса идей. По мнению автора статьи, отказ от анализа художественных явлений как объективной данности «обрекает философскую критику, исходящую из фикции, ей же самой творимой философии, на полный субъективизм»¹⁴ [Риза-Заде, 1929: 172].

Следует отметить, что в данном подходе Ф. Риза-Заде развивает суждения В. Переверзева, высказанные в отношении оценок Достоевского В. Розановым и Д. Мережковским: «Художник творит жизнь, а не системы <...>. В произведениях Достоевского заключается жизнь с ее страстями, борьбой, чувствами, мыслями, а не философия» [Переверзев: 499]. Однако этот тезис подвергается в обзоре Ф. Риза-Заде гармонизирующей корректировке. Так, говоря о книге Ю. Мейер-Грефе, исследовательница видит ее главную заслугу в том, что в ней подчеркивается «единство и неразделимость Д. как мыслителя и художника» [Риза-Заде, 1929: 174]. Эта неразделимость и предстает как объективная данность, опосредованно утверждаемая ключевым вопросом исследовательницы: «...почему пророк, философ, или величайший мыслитель есть нечто большее, чем величайший художник?» [Риза-Заде, 1929: 142].

К числу собственно литературно-критических работ о Достоевском Ф. Риза-Заде относит лишь две книги: «Достоевский — художник» Ю. Мейер-Грефе (J. Meier-Graefe. Dostojewski, der Dichter. Berlin, 1926) и «Достоевский и его судьба» О. Кауса (O. Kaus. Dostojewski und sein Schicksal. Berlin, 1923). Называя книгу Мейер-Грефе наиболее выдающейся из всех написанных о Достоевском на Западе работ, Ф. Риза-Заде в то же время поддерживает идеи Кауса: он дал более объективную постановку вопроса о причинах влияния Достоевского на Европу. «Разобрав социальную сущность творчества Д., Каус показал, что Д. является типическим представителем капиталистического общества раннего периода, когда особенно остры моральные запросы в связи с перерождением психологии общества, идущим вслед за его перерождением экономическим» [Риза-Заде, 1929: 174]. Обзор данных работ вскрывает особого рода парадокс: книгу Мейер-Грефе исследовательница рассматривает на шести страницах, характеристика же книги Кауса ограничена лишь краткими формулировками. В этой диспропорции оформляется напряжение исследовательской дилеммы: верность избранной

методологии, в рамках которой Каус оказывается единомышленником, и искренняя увлеченность идеями противоречивого, но по-настоящему оригинального и глубокого исследования Мейер-Грефе.

Обобщая обзор немецких исследований, Ф. Риза-Заде формулирует собственное понимание причин влияния Достоевского, объясняя их тем, что Достоевский нашел приемы изображения психологии человека эпохи кризиса. «Д. первый сумел воплотить психику этого человека, со всеми ее противоречиями, не упрощая и не устраняя этих противоречий. Он первый подошел диалектически к психологическому анализу своих героев <...> Вот почему растет влияние Д. И это влияние нужно анализировать в чисто-литературном плане...» [Риза-Заде, 1929: 175].

Эта установка изучать Достоевского как художника показывает, что и для самой исследовательницы первичными были художественные, а уже затем социально-идеологические подходы к тексту. В то же время следует отметить, что данный обзор обнаруживает не только широчайшую профессиональную эрудицию Ф. Риза-Заде, но и четкость собственных методологических установок. Приверженность марксизму и переверзевской школе объясняет категоричность ее оценок, но в то же время и стремление к утверждению литературоведческой логики и принципов анализа творчества Достоевского.

Особенно ярко это проявляется при сопоставлении статей Ф. Риза-Заде с замечательной работой московского философа Ф. Ф. Бережкова «Достоевский на Западе», вышедшей в 1928 году. Незаурядная по полноте охвата и глубине прочтения английских, французских, немецких исследований Достоевского статья Ф.Ф. Бережкова задана стремлением описать триумфальное шествие «романиста-мыслителя» если не в мировом («не только на Западе, но и на далеком Востоке»), то в европейском культурном пространстве. Именно с точки зрения «будущего историка европейской культуры» исследователь описывает культ Достоевского на Западе, отмечая при этом одномерность отечественной рецепции писателя: «лишний раз приходится нам учиться у иностранцев и отучиться, наконец, видеть в Достоевском мнимого “мрачного пессимиста”» [Бережков, 1928: 277, 326, 321]. Работы Ф. Риза-Заде являются ответом литературоведа на этот упрек, они свидетельствуют о том, что изучение Достоевского в России, усваивая иностранные уроки, прокладывает собственные пути.

На переверзевском фундаменте Ф. Риза-Заде выстраивает собственное понимание мирового значения Достоевского, в частности разработанной им темы двойника: «Мотив двойника красной нитью проходит через творчество целого ряда выдающихся писателей современного Запада — А. Жида, Дюамеля, Мейерника, Верфеля, Уиру, Кайзера, Гессе и других — удивляться не следует: мотив двойника наиболее удобная и гибкая форма выражения той психологии, которая присуща известным социальным группам, переживающим более или менее острый кризис, грозящий гибелью всему их социальному бытию. И поскольку в обществе будут существовать такие

“затираемые” группы, постольку мотив двойника, как их выражение не будет сходиться со страниц литературы» [Риза-Заде, 1928b: 139]. Несмотря на идущий от Переверзева схематизм, базирующийся на константах «социального бытия», «кризиса» и психологии «социальных групп», исследовательнице удастся точно описать в короткой журнальной статье художественные закономерности опубликованного лишь годом ранее романа Г. Гессе «Степной волк», отметив его идейную связь с книгой о Достоевском «Blick ins Chaos».

Все это свидетельствует о том, что «переверзевские» увлечения и идеи времени не отменяет существенных достижений советского литературоведения 1920-х годов, отраженных в работах Ф. Риза-Заде: стремления к анализу конкретных форм литературного развития, акцента на взаимосвязи художественных и идеологических систем, образующих культурный профиль определенного момента истории.

В 1945 г. в Иране, уже под фамилией Сайях, вышла еще одна статья, посвященная Достоевскому. Это было предисловие к переводу романа «Белые ночи».

Следует отметить, что современные иранские исследователи к числу важных заслуг Ф. Сайях относят ее работу, связанную с женским образованием, вовлечением женщин в культурные и политические процессы Ирана (см.: [Criticism and travel]¹⁵). Примером влияния Ф. Сайях на женское образование может служить деятельность одной из ее студенток Захры Ханлари. Именно она стала первой переводчицей Достоевского в Иране, а также автором «Словаря мировой литературы»¹⁶, в котором русский писатель занял подобающее место.

В предисловии к переводу романа «Белые ночи» Ф. Сайях не только знакомит персидского читателя с биографией Достоевского и особенностями его стиля, но и задает русский вектор развития молодой иранской прозы. Ф. Сайях отмечает влияние на иранскую литературу французского романтизма, в частности, В. Гюго, А. Дюма, А. Ламартина. Разговор о Достоевском во многом становится представлением реалистического метода, созвучного актуальным запросам иранского общества. В предисловии, рассчитанном на широкую читательскую аудиторию, Ф. Сайях решала задачи, стоявшие перед ней как перед основоположницей иранской компаративистики. В этом направлении важно было осмысление связей персидской литературы как с европейской словесностью, так и с литературой России.

Разговор о Достоевском и русских писателях Ф. Сайях ведет не только в ориентации на современную иранскую прозу («Сейчас долг наших молодых писателей состоит в том, чтобы перевести шедевры этих великих творцов на персидский язык, и открыть новый путь развитию романа в нашей стране» [Sayyah Fatemeh: 392]), но и на сакральные истоки иранской культуры. Описывая героя Достоевского, метущегося в поисках истины между

полюсами добра и зла, Ф. Сайях актуализирует авестийские образы Ормузда и Аримана. Начиная предисловие рассуждениями о значимости перевода («Одна из самых важных работ в литературе — перевод иностранных произведений» [Sayyah Fatemeh: 392]) исследовательница, по сути, осуществляет перевод Достоевского с языка одной культуры на язык другой культуры, стремится показать глубинное духовное родство, преодолевающее барьер чужого, далекого и иностранного. Образы Ормузда и Аримана выражают в персидском сознании максимум писателя: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (ДЗ0, 14: 100).

Отметим, что иранские ипостаси мирового добра и зла были актуализированы в работах о Достоевском критиками различных идеологических ориентаций: к ним обращались и символисты (Вяч. Иванов представляет роман-трагедию Достоевского как «планетарную сферу», на которой «снова сразились Ормузд и Ариман» [Иванов: 492]), и марксисты (В. Переверзев, говоря о мучительной борьбе в душе Макара Девушкина, указывает на «элементы не только противоположные, но и враждебные, как Ормузд и Ариман, между которыми перемирие немыслимо» [Переверзев: 502–503]). Однако в собственно иранском контексте статьи Ф. Сайях эти образы становятся символами духовного единства нации и всего человечества, проникнутыми, по слову С. Аверинцева, «теплотой сплывающей тайны» [Аверинцев: 827].

В кратком предисловии Ф. Сайях удается осмыслить духовную эволюцию писателя, совпавшую с годами каторги: «В результате трагических событий, произошедших в жизни Достоевского за эти десять лет, настроение писателя и тематика его произведений изменились. Он полностью отказался от революционных теорий своей юности и стал мистическим и религиозным писателем <...> Всем произведениям Достоевского присуща двойственность, которая во втором периоде его творчества проявляется в форме борьбы между Богом и сатаной или Ормуздом и Ариманом...» [Sayyah Fatemeh: 394].

В анализе романа «Белые ночи» исследовательница обращает внимание на возраст главных героев, их открытость, искренность, высокую простоту и человечность. В этом произведении, по убеждению Ф. Сайях, в полной мере проявлен гений Достоевского: «... в мировой литературе редко встречается, чтобы писатель описывал маленьких и незначительных людей так, чтобы читатель осознал, что люди никогда не бывают маленькими и незначительными» [Sayyah Fatemeh: 395].

Исследовательница пишет о детских образах Достоевского, отмечая, что дети часто становятся жертвой тех социальных условий, которые делают их несчастными, а порою и мстительными. Это точечное замечание заставляет вспомнить более подробную разработку данной проблематики, представленную в анализе влияния Достоевского на роман А. Жида «Фальшивомонетки». Отмечая отсутствие ярких детских образов во французской литературе, исследовательница считает Жида прямым наследником

Достоевского в изображении внутренней жизни ребенка. У героев французского писателя «та же душевная мягкость за внешней наигранной грубостью, та же нежность, прячущаяся за показной черствостью, та же озлобленность, таящая в себе отзывчивость, столь характерная для маленьких героев Достоевского» [Риза-Заде, 1927: 43].

Ф. Сайях стремилась раскрыть для иранского читателя всемирное значение Достоевского, проводником которого ей самой суждено было стать. Ее предисловие к первому персидскому переводу Достоевского представляет соотечественникам русского писателя, способного постичь человеческую душу во всей ее двойственности, кризисном напряжении и таинственной непостижимости.

Ф. Сайях умерла 4 марта 1948 г. в Тегеране. За неделю до смерти в Ассоциации культурных связей Ирана и Франции она выступила с докладом о влиянии Достоевского на французскую литературу.

Архивные материалы, российские публикации конца 1920-х гг., научная и педагогическая деятельность по формированию иранской русистики свидетельствуют о заметной роли Ф. Риза-Заде (Сайях) в интеллектуальной истории XX века. В ее статьях, посвященных Достоевскому, творчество писателя было осмыслено в широком контексте французской литературы, немецкой философско-эстетической традиции, иранских культурных символов добра и зла.

Примечания

- 1 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 32, 33. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома и страницы в круглых скобках.
- 2 Иранский контекст и современная оценка деятельности Ф. Сайях проанализированы в статье «Иранское литературоведение о Достоевском: работы Фатимы Сайях» [Кравченко, Садеги Сахлабад].
- 3 См.: Личные дела Риза-Заде Ф. Д., Робэн С. Д., временного сотрудника Государственной Академии Искусствознания (РГАЛИ, Ф. 984. Оп. 1. Ед. хр. 177).
- 4 Соколов Юрий Матвеевич (1889–1941) — фольклорист и литературовед, профессор факультета общественных наук Московского университета. В 1928 г. стал первым директором библиотеки Исторического музея. Проживал в здании Исторического музея на Красной площади, дом 2. Именно на этот адрес были отправлены берлинские письма Ф. Риза-Заде в июне 1929 г.
- 5 Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) — поэт и переводчик, критик, филолог-стиховед. В 1925–1927 гг. — председатель Всероссийского союза поэтов.
- 6 Письма Риза-Заде Фатимы к Г. А. Шенгели (РГАЛИ, Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 182).
- 7 Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965) — литературовед, исследователь древнерусской литературы. С 1922 г. профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета. Впоследствии первый декан филологического факультета Московского государственного университета.

- ⁸ Переверзев Валерьян Фёдорович (1882–1968) — литературовед, основатель «переверзевской школы» как одного из направлений марксистского литературоведения. С 1921 г. профессор Московского государственного университета. Был репрессирован в 1938 г. по обвинениям в ревизии марксизма. Реабилитирован в 1956 г. Основные труды Переверзева посвящены творчеству А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского.
- ⁹ Дынник-Соколова Валентина Александровна (1898–1979) — литературовед и переводчица. Супруга Ю. М. Соколова. Основные ее исследования посвящены истории французской литературы.
- ¹⁰ Письма Риза-Заде Ф. Д. Соколову Юрию Матвеевичу (РГАЛИ, Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 1721).
- ¹¹ Письма Риза-Заде Фатимы к Г. А. Шенгели (РГАЛИ, Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 182).
- ¹² Нафиси Саид (1895–1966) — иранский историк, поэт, переводчик. В соавторстве с ним Ф. Сайях опубликовала статью в журнале «Новый мир», посвященную роли классической традиции в современной иранской литературе (см.: Соях Ф., Нафиси С. Иранская литература наших дней // Новый мир. 1941 № 1–2. С. 215–218. [В написании фамилий воспроизведен журнальный вариант]).
- ¹³ Проанализированный Ф. Риза-Заде психологический образ Раскольникова и ситуация морального искушения сегодня получают глубокое осмысление в контексте святоотеческой традиции (см.: [Ужанков]).
- ¹⁴ Сохранены пунктуация и графика первоисточника.
- ¹⁵ Аннотация на обложке этой книги представляет исследовательницу в двух ракурсах: во-первых, она заложила основы иранского литературоведения («Сайях выступила на первом съезде иранских писателей с докладом о сущности критики и о ее конструктивном влиянии на развитие социальных идей») и, во-вторых, содействовала повышению общественного самосознания женщин («Сайях познакомила иранских женщин с реальным миром. Она смахнула пыль фантазии с лица их мыслей. То, что написано ею о женщинах, до сих пор не утратило своего блеска. Иранские женщины должны ею гордиться»).
- ¹⁶ Khanlari Z. Dictionary of World Literature. Tehran: Kharazmi, 1375/1996. 1587 p. (In Persian).

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1971. Т. 6. С. 826–831.
2. Бережков Ф. Ф. Достоевский на Западе (1916–1928) // Достоевский: сб. ст. М., 1928. С. 277–326. (Труды Гос. академии художественных наук. Лит. секция; вып. 3.)
3. Булгакова Н. О. Рецепция романа Ф. М. Достоевского «Бесы» во французской словесной культуре: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2019. 309 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Зайдман М. Ф. М. Достоевский в западной литературе: характеристика творчества и личности писателя в западной критической и научной литературе. Одесса: тип. Кульберг и Каплан, 1911. 127 с.
6. Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (27.10.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321
7. Иванов Вяч. Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 4. С. 483–588.
8. Комиссаров Д. С. [Чехов в Иране]: Обзор // Чехов и мировая литература / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Кн. 3. С. 95–213.

9. Кравченко О. А., Садеги Сахлабад З. Иранское литературоведение о Достоевском: работы Фатимы Сайях // Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы. 2021. Т. 9. № 2. С. 75–90. DOI: 0.52547/iarll.18.75.
10. Переверзев В. Ф. У истоков русского реализма. М.: Современник, 1989. 752 с.
11. Переверзев В., Риза-Задэ Ф. Достоевский Ф. М. // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. Т. 3. Стлб. 396–410.
12. Риза-Заде Ф. Достоевский и современная французская литература (о влиянии Достоевского) // Печать и революция. 1927. № 6. С. 34–52.
13. Риза-Заде Ф. Современная французская методология истории литературы // Литература и марксизм. 1928. Кн. 6. С. 138–147. (a)
14. Риза-Заде Ф. Эпигоны Достоевского в Германии (О «Степном волке» Германа Гессе) // Вестник иностранной литературы. 1928. № 11. С. 139–140. (b)
15. Риза-Заде Ф. Достоевский в западной критике // Литература и марксизм. 1929. Кн. 3. С. 139–176.
16. Риза-Задэ Ф. Достоевский на Западе // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. Т. 3. Стлб. 408–410. (a)
17. Риза-Заде Ф. Новинки французского романа // Вестник иностранной литературы. 1930. № 3. С. 190–200. (b)
18. Ужанков А. Н. Святоотеческое «учение о прилоге» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 172–189 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591709003.pdf (15.03.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8002
19. Яхьяпур М. Достоевский и Иран // Русская литература за рубежом. 2008. № 1. С. 69–72.
20. Criticism and travel. Articles on Iranian and European Literature and Collected Works of F. Sayyah / edited by M. Golbon. Tehran: Gatre, 1383/2004. 544 p.
21. Sayyah Fatemeh. Dostoevsky // Criticism and travel. Articles on Iranian and European Literature and Collected Works of F. Sayyah / edited by M. Golbon. Tehran: Gatre, 1383/2004. P. 392–396.
22. Sayyah Hadj. Memories of Hadj Sayyah. Tehran: Amir Kabir, 1980. 680 p.

References

1. Averintsev S. S. Symbol. In: *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1971, vol. 6, pp. 826–831. (In Russ.)
2. Berezkhov F. F. Dostoevsky in the West (1916–1928). In: *Dostoevskiy: sbornik statey* [Dostoevsky: Collection of Articles]. Moscow, 1928, pp. 277–326. (Proceedings of the State Academy of Fine Arts. Literary Section; issue 3.) (In Russ.)
3. Bulgakova N. O. *Retseptsiya romana F. M. Dostoevskogo «Besy» vo frantsuzskoy slovesnoy kul'ture: dis. ... d-ra filol. nauk* [Reception of F. M. Dostoevsky's Novel "Demons" in French Verbal Culture. PhD. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2019. 309 p. (In Russ.)
4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
5. Zaydman M. F. M. *Dostoevskiy v zapadnoy literature: kharakteristika tvorchestva i lichnosti pisatelya v zapadnoy kriticheskoy i nauchnoy literature* [F. M. Dostoevsky in Western Literature: Characteristics of the Writer's Works and Personality in Western Critical and Scientific Literature]. Odessa, tipografiya Kul'berg i Kaplan Publ., 1911. 127 p. (In Russ.)

6. Zakharov V. N. The Relevance of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 5–20. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (accessed on October 27, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321 (In Russ.)
7. Ivanov Vyach. Dostoevsky. Tragedy. Myth. Mystic. In: *Ivanov Vyach. Sobranie sochineniy: v 4 tomakh [Ivanov Vyach. Collected Works: in 4 Vols]*. Brussels, Foyer Oriental Chrétiein Publ., 1979, vol. 4, pp. 483–588. (In Russ.)
8. Komissarov D. S. Chekhov in Iran: Review. In: *Chekhov i mirovaya literatura [Chekhov and World Literature]*. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, book 3, pp. 95–213. (In Russ.)
9. Kravchenko O. A., Sadeghi Sahlabad Z. Iranian Literary Criticism About Dostoevsky: Works of Fatima Sayyah. In: *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 75–90. DOI: 0.52547/iarll.18.75 (In Russ.)
10. Pereverzev V. F. *U istokov russkogo realizma [At the Origins of Russian Realism]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 752 p. (In Russ.)
11. Pereverzev V., Riza-Zade F. Dostoevsky F. M. In: *Literurnaya entsiklopediya: v 11 tomakh [Literary Encyclopedia: in 11 Vols]*. Moscow, Kommunisticheskaya Akademiya Publ., 1930, vol. 3, column 396–410. (In Russ.)
12. Riza-Zade F. Dostoevsky and Contemporary French Literature (on the Influence of Dostoevsky). In: *Pechat' i revolyutsiya*, 1927, no. 6, pp. 34–52. (In Russ.)
13. Riza-Zade F. Contemporary French Methodology of Literary History. In: *Literatura i marksizm*, 1928, book 6, pp. 138–147. (In Russ.) (a)
14. Riza-Zade F. Dostoevsky's Epigones in Germany (on the “Steppenwolf” by Hermann Hesse). In: *Vestnik inostrannoy literatury*, 1928, no. 11, pp. 139–140. (In Russ.) (b)
15. Riza-Zade F. Dostoevsky in Western Criticism. In: *Literatura i marksizm*, 1929, book 3, pp. 139–176. (In Russ.)
16. Riza-Zade F. Dostoevsky in the West. In: *Literurnaya entsiklopediya: v 11 tomakh [Literary Encyclopedia: in 11 Vols]*. Moscow, Kommunisticheskaya Akademiya Publ., 1930, vol. 3, column 408–410. (In Russ.)
17. Riza-Zade F. Novelties of the French Novel. In: *Vestnik inostrannoy literatury*, 1930, no. 3, pp. 190–200. (In Russ.)
18. Uzhankov A. N. The Patristic Doctrine About Prilog in the Novel of Fedor Dostoevsky “Crime and Punishment”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 172–189. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591709003.pdf (accessed on March 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8002 (In Russ.)
19. Yahyapur M. Dostoevsky and Iran. In: *Russkaya literatura za rubezhom*, 2008, no. 1, pp. 69–72. (In Russ.)
20. *Criticism and Travel. Articles on Iranian and European Literature and Collected Works of F. Sayyah*. Tehran, Gatre Publ., 1383/2004. 544 p. (In Persian)
21. Sayyah Fatemeh. Dostoevsky. In: *Criticism and Travel. Articles on Iranian and European Literature and Collected Works of F. Sayyah*. Tehran, Gatre Publ., 1383/2004, pp. 392–396. (In Persian)
22. Sayyah Hadj. *Memories of Hadj Sayyah*. Tehran, Amir Kabir Publ., 1980. 680 p. (In Persian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Садеги Сахлабад Зейнаб, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка, факультет литературы, Университет Аль-Захра (Ванак, 1993893973, Тегеран, Исламская Республика Иран); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7031-0763>; e-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir.

Zeinab Sadeghi Sahlabad, PhD (Philology), Assistant professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University (Vanak, 1993893973, Tehran, Islamic Republic of Iran); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7031-0763>; e-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir.

Кравченко Оксана Анатольевна, доктор филологических наук, аффилированный профессор кафедры русского языка, факультет литературы, Университет Аль-Захра (Ванак, 1993893973 Тегеран, Исламская Республика Иран); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2766-0589>; e-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir.

Oksana A. Kravchenko, PhD (Philology), Adjunct Professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University (Vanak, 1993893973, Tehran, Islamic Republic of Iran); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2766-0589>; e-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir.

Шульдишова Алина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Российский университет дружбы народов (ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9603-8411>; e-mail: shuld_a@mail.ru.

Alina A. Shuldishova, PhD (Philology), Associate Professor, Russian Language Department, The Peoples' Friendship University of Russia (ul. Miklukho-Maklaya 6, Moscow, 117198, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9603-8411>; e-mail: shuld_a@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 02.09.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.10.2021

Принята к публикации / Accepted 01.11.2021

Дата публикации / Date of publication 14.12.2021